

УДК 17.177

ЛИЧНОСТНАЯ АНТИЦИПАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА

Л.В. Удалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Обосновывается личностная модальность как инструмент противостояния фигуре террориста. Асимметричными личностному конституированию оказываются безличностность, логоцентрическое мышление, интолерантные фанатичные веровательные установки террориста. Социально-психологическая диагностика личностного статуса и потенциала молодого человека позволяет предугадать личностные склонности к террористическому «заговору».

Ключевые слова: личность террориста, логоцентрическое мышление, фанатичные установки, личностный потенциал.

На вопрос о личностных особенностях террориста можно ответить по-разному. Например, террорист не является личностью в узком смысле этого слова. Фигура террориста скорее свидетельствует о массовой личности, или о неморальной личности, или о недоличности, или о безличности и т. д. Если отвечать конструктивно на вопрос о личностных качествах, не влекущих террор-ориентированных или саморазрушительных установок, насильственных паттернов поведения, то речь должна идти о различении тех особенностей, которые асимметричны личностным антиципаниям террориста.

Из научных источников известна теоретическая модель морального выбора, которая стала основой разработки В.А. Лефевром компьютерной модели террориста. В.А. Лефевр – философ, математик и психолог, который ввел понятия «рефлексивная система» и «рефлексивное управление» в междисциплинарный дискурс [1]. Эта модель указывает на те поведенческие паттерны, которые «обналичивают» себя в ситуациях морального выбора. Согласно В.А. Лефевру, у всякого человека, включая террориста, работает «процессор совести», поэтому он не склонен вести себя аморально. Совесть – это способность к различению добра и зла. Когда человек стоит перед альтернативой выбрать «добро» или «зло» и совершить соответственно поступок, то согласно модели дается предсказание частот, с которыми человек выбирает альтернативы, в корреляции величины тех благ, которые предполагает выбор. Данная модель обнаружила асимметрию: чтобы частота морально-неправильных выборов сравнялась с частотой морально-правильных, плата за аморальные выборы должна быть значительно выше, чем плата за морально-правильные. Иначе говоря, людей необходимо «стимулировать» дополнительно, чтобы они совершали выбор одной из них так же часто, как другой. Возможен вывод о том, что моральный выбор в сторону «зла» «эволюционно» неоправдан, так как требует «избыточных ресурсов».

По мнению В.А. Петровских, идея и формула морального выбора фундаментальны по следующим основаниям. Согласно автору рефлексивной теории, в булевой модели морального выбора всякий субъект, находясь в определенной среде, производит образ себя в ней. Субъект всегда стремится выбрать такое отношение, при котором он будет лучше выглядеть в собственных гла-

зах по сравнению с образом другого. Внешняя среда подталкивает его к выбору между полюсами: позитивным («добро») и негативным («зло»). Как разъясняет В.А. Петровский: «Определяется функция готовности субъекта к выбору между полюсами, имеющая вид: $X = (X_3 \rightarrow X_2) \rightarrow X_1$ (булева модель) (для переменных X_1, X_2, X_3, X_n , принимающих “четкие” значения 0 и 1) и $X = X_1 + (1 - X_1) \cdot (1 - X_2) \cdot X_3$ (непрерывная модель) (для тех же переменных на отрезке $[0, 1]$). Здесь X_1 интерпретируется как “давление среды (к выбору позитивного полюса)”; X_2 – как представление субъекта о давлении среды; x_3 – как интенция субъекта (выбирать позитивный полюс); “ \rightarrow ” – логический оператор материальной импликации; X – как готовность субъекта выбрать позитивный полюс. В общем случае (объективная) готовность X и (субъективная) интенция x_3 не совпадают. В случае если они равны друг другу, выборы субъекта обозначаются как интенциональные, а субъекта выбора В.А. Лефевр называет реалистом» [2, с. 78]. Как идея реализм – это адекватность, соответствие внутреннего и внешнего. Получается, что введенный В.А. Лефевром конструкт «реалист» позволяет решить сложную задачу объединения субъективных и объективных аспектов активности человека в форме соответствия.

Эта формула и модель морального выбора, по нашему мнению, применима для оценки личностных диспозиций террориста, поскольку среди ярких индивидуальных «знаков» террориста так называемые затратные ресурсы – бинарное, логоцентрическое мышление, предельное мышление, мышление «крайностей» по булевой модели, по типу «либо – либо», «добро – зло», «черное – белое», «враг – друг». Как известно, логоцентризм – понятие постмодернистской философии, которое фиксирует фигуру внешнего причинения (всепроникающий Логос), выражающуюся как властное, формальное, мужское начало. Логоцентрическое мышление строится на презумпции линейно понятого детерминизма, на презумпции «мышления в рамках жестких бинарных (как правило, асимметрично интерпретируемых) оппозиций...» [3, с. 543]. Как доказывает А.П. Давыдов в статье «Социокультурные типы в науке об обществе. К типологии ментальности», как стиль мышления логоцентризм опирается на диктаторскую политическую систему и её производные – патриархальное право, рентную экономику. Продуктом логоцентризма как двухполюсной инверсионной доминанты в XXI в. стала массовая культура, субъектом которой является логоцентрик–террорист–смертник [4, с. 114]. Инверсия в логике мышления означает мгновенное изменение местами полюсов, а также следование каждому из полюсов до предела. В метафизическом и этическом смысле инверсия влечет к измененному состоянию сознания, к состоянию «гипер» как способу самовыражения перед Абсолютным началом. Интенция логоцентрика-террориста состоит в достижении эффекта «пере-» (гипер). Философ пишет: «Нужны гиперпреданность, гиперодержимость, гипервосторг, гиперотчаяние, гипестрадание, нужно отключить *ratio* и включить гиперотпадение от своего рационального Я вплоть до отказа от своей личности, до маразма – до тотального равнодушия либо до преступления. Это “пере-”, или гиперинверсия сталкивается с гуманизмом личности в межцивилизационном конфликте» [там же, с. 115].

Подобно признакам тревожных расстройств личности, а именно биполярного расстройства личности в ситуации и борьбе за выживание менталитет террориста мыслится как диалектическая инверсия состояний «недо» и «пере». Продукт такого личностного состояния подробно описывается А.П. Давыдо-

вым: «Логоцентризм в условиях динамично развивающейся и быстро усложняющейся гуманистической культуры теряется – недоанализирует ситуацию, недооценивает сложившееся положение, недопомещает себя в возникшее отношение “Я – Ты”, недопонимает смысл себя в возникшей “сфере между” ним и миром. Он недорационален, недопозитивен, недоадекватен. Почему? Он недосложился как субъект цивилизационного развития, недосформировался как личность, он несет в себе незрелое социальное. Стереотип “недо-” и порождает низкую самооценку человека, и отражает момент его самоуничижения, его цивилизационную незавершенность. Какой механизм работает в его менталитете? Инверсионный инструмент “недо-”» [там же, с. 116].

Последствия логоцентрического мышления отражаются на психическом и психологическом состоянии человека, влекут аддиктивные поступки. Его состояние характеризуется как тотально тревожное и напряженное, что переживается как трагизм личностного бытия. Такое напряжение, согласно Э. Берну, составляет фундаментальную проблему человека и должно быть «снято», найден способ его разрядки. Таким оказывается насильственный, параноидальный способ борьбы с врагом.

Действительно, реалии глобализирующегося мира, представленные в сознании современника как переход от V информационно-технологического уклада к VI и VII укладам, эпохам господства нано- и когнитивных технологий демонстрируют направленность их «продуктов-знаний» на трансформацию личности в различных целях, в том числе для «властного» потребления человека. Сама поляризация мира на развитые и неразвитые страны, где анонимная власть, олигопольная элита тотально управляют не только межэтническими конфликтами но и сознанием людей, провоцирует шизоидизацию и шизофренизацию сознания. Современные информационные технологии и СМИ приносят свою лепту в этот процесс, когда создают тенденциозную картину мира, где смысл и содержание реальных событий искажаются, замалчиваются, а псевдоавторитеты возносятся до уровня Абсолютных идеалов. В присутствии таких гостей, как справедливо утверждает В.И. Самохвалова, «с одной стороны, человек склоняется ко все более идеальному, символизированным формам выражения, как бы переходит в виртуальное бытие, “развоплощается”; с другой стороны, он все более замыкается на вещественно-предметные ценности и переживания, заземляется на “базовые”, инстинктивно-чувственные пласты своего существования, провоцируется современной культурой на «оживление» древних, архаических структур сознания. Расширяющаяся практика террористических актов и их характер также провоцируют к оживлению древних атавистических механизмов социализации, получивших в современной психологии наименование садо-мазохистского комплекса (“мягкая” разновидность его эвфемистически именуется “Стокгольмский синдром”» [5, с. 28].

Расщепленное сознание как следствие биполярного, логоцентрического мышления – благодатная почва для взращивания террор-сознания, поскольку ценностно-смысловые структуры в таком «опыте» размываются, они линейно, а не иерархически упорядочиваются. Усеченная пирамида ценностей лишает возможности человека распознавать фундаментальные ценности, такие, как благо, добро, истина, красота. Внешним, глобализационным провокатором воспроизводства такой усеченной «дистрофичной» ценностно-смысловой структуры сознания, влекущей психические эпидемии, остаются эпоха консюмеризма, общество

потребления, где очевиден смысловой дефицит и где смысл редуцируется к поискам врага. На это обстоятельство обращает внимание А.П. Назаретян: «Самым простым и архаичным средством обретения стратегических смыслов остаётся поиск врага, и идеологи рыночной демократии, оторванной от протестантского основания, реанимирует её мотивационный ресурс продуцированием всё новых демонов. Прочие идеологии, будоражившие XX в., утратили былую пассионарность, а враги рыночной “глобализации” черпают смыслы в колодце религиозного или национального фундаментализма. В результате двухполюсная матрица геополитического мышления (“они – мы”) замораживается, и вместо возделенного полюсного мира мы наблюдаем патологию полюсов глобальной системы» [6, с. 118].

В итоге на личностном уровне анализа в призме ядра её сознания противостоит коннотациям агит-террора, когда наделяется высокими смыслами всякое насилие, могут быть только альтернативные смысловые модели. Если поиск собственного смыслового ориентира для личности сопряжен с мучительной интеллектуальной, рефлексивной работой, направленной на самоизменение и самосовершенствование, на диалог с Другим, в том числе с Духовным абсолютом, то быть в оболочке террориста легче, проще, изменяться не надо, тем более заниматься саморефлексией. Подобно раковой опухоли, паразитарной модальности существования, поведение террориста предстает как саморазрушительное и самоуничтожительное, оно сопровождается психическим состоянием отчаяния, что для собственного выживания инициирует либо выбор мстительных поведенческих стратегий, либо самоубийство. Относительно самоубийства можно утверждать, что к нему приводит действительная потеря всех вероятных смысло-жизненных установок личности, включая веру в себя. Поэтому суицид террориста – это показатель не слияния с духовным Абсолютом, а свидетельство социальной несостоятельности, личностной импотенции, собственной «неполноценности», признание факта самомщения.

Отличительной особенностью, задающей личностные диспозиции террориста являются фанатичные вероятные установки. В формальном плане анализа сознание фанатика рассматривается как измененное состояние сознания, как «суженное» сознание, когда происходит редукция модальности «Я» к модальности «не-Я», содержание которой составляет некая «Сверхценная» идея, спровоцированная также логоцентрическим мышлением. Подробное объяснение структурных особенностей редуцированного сознания фанатика дает Е.А. Евстифеева: «Измененное состояние сознания фанатика обнаруживаем себя как сверхценное образование. В качестве сверхценного состояния структурное изменение субъективной реальности характеризуется следующим. Происходит редукция модальности “Я” за счет непомерного “расширения” модальности “не-Я” – полная захваченность определенным “предметом” (сверхценной идеей, символом и т. д.). У фанатика явно просматривается деформация структуры ценностных интенций “Я”, т. е. феномен суперцентрированного “Я”. Для него характерна жесткая организация ценностных интенций. Динамизм этой структуры минимален, т. е. естественная тенденция к ее изменению выражена крайне слабо или вовсе не прослеживается. Высшие интенции сведены нередко к одной единственной, которая определяется “содержанием” конкретной сверхценной идеи. Суперцентрированное “Я” фанатика актуально полагает в качестве своего “другого Я” только то, что связано с “содержанием” сверхценной идеи, и в этом смысле оно целеустремлено

и «сужено». Вся реальность, т. е. все факты жизни ассимилируются под эту идею» [7, с. 23]. В качестве своего продукта измененное состояние сознания фанатика выдает параноидальные формы поведения, аффективные поступки, сопровождающиеся жестокостью, беспощадностью, нечеловечностью. Из последних примеров – уничтожение «неправильных» памятников культуры, публичное отрезание голов пленникам перед видеокамерой, открытое насильствие кельнских женщин и т. д. Из клинических психиатрических и психологических исследований известно, что параноид – это расстройство личности, которое идентифицируется как «очень жесткий паттерн внутреннего опыта и направленных на окружающий мир действий, который отличается от ожиданий общества и приводит к дисфункции» [8, с. 459]. Среди симптомов такого расстройства – недоверие к окружающим, необычная манера мышления и восприятие мира, социальная изоляция, крайняя подозрительность, враждебные намерения, отсутствие самокритики.

Привлечение в свои ряды молодежи – первоочередная задача идеологов терроризма. Поэтому актуальным остается разработка технологий предупреждения и профилактики идеологии терроризма. Как нам представляется, своевременным способом самозащиты от влияния такой идеологии предстают личностная модальность молодого человека, его личностный потенциал, который необходимо раскрывать в образовательных и иных социальных практиках. Конституирование личности в эпоху «вовлеченности» требует колоссальных ресурсов по сохранению личностного способа бытия, приватной жизни, автономного статуса, рефлексивного самоутверждения, позитивной идентичности, доверия к себе и другому. Идеологема личности предстает как поиск новой меры свободы и автономии в диалектике личностного и социального начал человека, что инициирует процесс постоянного самоизменения. Речь идет о самотрансцендировании, саморефлексировании, самоосмыслении себя в изменяющихся социальных практиках. Раскрытие личностного потенциала, под которым понимается генерализованная (личностная, субъектная, когнитивная) возможность к самоизменению в социальной среде, в том числе в профессиональной [9, с. 19], предстает личностной антиципацией терроризма.

Список литературы

1. Лефевр В.А. Познание и вера // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 94–97.
2. Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология: Журн. Высшей школы экономики, 2008. Т. 5. № 1. С. 77–100.
3. Можейко М.А. Онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / главн. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ-Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. 1040 с.
4. Давыдов А.П. Социокультурные типы в науке об обществе. К типологии ментальности. Статья 2 // Философские науки. 2016. № 4. С. 113–127.
5. Самохвалова В.И. Реальность глобализируемого мира и образ человека. Ч. 2 // Философские науки. 2016. № 5. С. 24–37.

6. Назаретян А.П. Психология в социальном прогнозировании: ещё раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 115–129.
7. Евстифеева Е.А. Феномен веры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1995. 203 с.
8. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК. 2002. 608 с.
9. Майкова Э.Ю. Автономия личности: социально-философский дискурс, проектный подход // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Философия». 2013. № 1. С. 15–22.

PERSONAL ANTICIPATION OF TERRORISM

L.V. Udalova

Tver State Technical University, Tver

The article is aimed at explaining the personal modality as a tool to combat a terrorist. Asymmetrically opposed to personal constitution are impersonality, logocentrist thinking, intolerant fanatic beliefs of a terrorist. Socio-psychological diagnosis of a personality status and a young person's potential allows to predict a *personal inclination for a terrorist «conspiracy»*.

Keywords: *terrorist's personality, logocentrist thinking, fanatic beliefs, personal potential.*

Об авторе:

УДАЛОВА Лариса Викторовна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru.

Author information:

UDALOVA Larisa Viktorovna – Ph.D. Student of Dept. of Psychology and philosophy of the Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru.